

Веб-журнал "Европейская Афиша" N10 04/10/2011 www.afficha.info

«Ромео и Джульетта», курсив Оливье Пи.

Екатерина Богопольская

Самая ожидаемая премьера сентября в Париже – спектакль «Ромео и Джульетта», которым открыл свой последний сезон в Одеоне-театре Европы Оливье Пи. До 29 октября

D.R.

Пролог. В роли Хора-Бартелеми Мериджен

Как ни странно, во Франции эту трагедию Шекспира ставят редко. Пи к тому же редко ставит пьесы не своего сочинения, сделав исключение лишь для двух величайших драматических поэтов, Эсхила и Клоделя. В этой логике Шекспир напрашивался сам собой. Понятно, что Пи предложил собственный перевод, и поступил с легендарной пьесой, как и следовало ожидать, - переиначил на свой манер. И прежде всего окунул действие в любезную его сердцу атмосферу ярмарочных подмостков, (что, кстати, ближе духу Шекспира, чем высокий стиль Расина, с которым во Франции привычно ассоциируется трагедия). Именно к театру подмостков отсылала и незамысловатая декорация (Пьер-Андре Вейц), состоящая из подвижных деревянных ширм и платформ-лесенок, и ироничные пластиковые пальмы для «создания атмосферы», и туалетный столик из актерской гримерки, установленный на самой авансцене, и концертное пианино, как будто заброшенное сюда из другой так сказать «оперы». За инструментом сидел Музыкант, своего рода тапер, сопровождавший все действие отрывками из классических произведений. Пи превратил Музыканта в

сценический персонаж, и чтобы ему было не скучно, ввел в пьесу еще Шута, и даже написал для них забавное интермеццо, которое они исполняют сразу после того, как все остальные отправляются хоронить Джульетту. Из ярмарочного театра и карикатурный Капулетти Оливье Балазюк, и ярко гротесковая Кормилица Мирей Хербстмейер, и все окружение героев - большинство ролей исполняют одни и те же актеры. Например, князь Вероны, он же Хор, и Шут, и Аптекарь, и брат Жан. Но дальше – больше. Квентин Фор, обнаженный до пояса красавец-эфеб, почему-то выступал одновременно и в роли Тибальта, и леди Капулетти. В роли последней он лишь небрежно набрасывал на голое тело черную вуаль. Сложности отношений между леди и племянником соответствовал и двусмысленный Капулетти, которого играл тот же актер, что и жениха Джульетты, Париса- легкий привкус инцеста явно витает в сцене, когда Оливье Балазюк раздваивается на двух персонажей, договариваясь с Парисом, то есть с самим собой, о свадьбе дочери. Но этим режиссерские излишества не ограничиваются - в сценической адаптации сделан сугубый акцент на все скабрзности и двусмысленности шуток Меркуцио и Бенволио, усиленный избыточным тепераментом актеров Пи, без стеснения «мимирующих» особые непристойности. И весь Париж уже пересказывает шутку, по поводу фамилии Шекспир, переведенной устами Меркуцио как «Потрясающий своей грушей», (читай фалосом). То есть в этой сцене Меркуцио советует еще влюбленному в Розалину Ромео (акт II, сцена 1), что ему не помешает «потрясти своей грушей», и тут же переводит каламбур на английский, что звучит как «*Shake's pear*». (По сравнению с солеными каламбурами Меркуцио в версии Оливье Пи перевод тех же сцен у Пастернака читается как версия институтки). В этой игре непристойностей, где отраженным светом задет и Ромео, естественно выплыл гомосексуальный подтекст, действие не просто перенесено в современность, кажется, герои думают, выглядят, общаются между собой на манер самого Пи. И вот на этом фоне фиглярства, на грани дурновкусия, и играется история Ромео и Джульетты, играется всерьез.

Photo Alain Fonteray

Джульетта-Камилла Кобби, Брат Лоренцо–Филип Жирар, Ромео- Матье Дессертин

Главный вопрос, который занимает режиссера, - полюбил ли Ромео Джульетту до или после того, как узнал, что она из враждебного рода Капулетти, то есть запретна, недостижима? Только невозможность этой любви, считает Пи, делает ее абсолютной. Ромео – 23-летний Матье Дессертин, замечательный юный красавец, с нескрываемо сексуальной внешностью, с самого начала склонен к меланхолии, ищет ночь, влеком не к развлечениям, но к опасности. В нем есть изначально экзистенциальная тоска, как будто Пи увидел в Ромео что-то родственное принцу датскому, не случайно вкладывает он в его уста гамлетовскую реплику «Слова, слова, слова ...» в ответ на одну из шуток Меркуцио. Встреча с Джульеттой - это и есть рок, судьба, которую он искал.

Photo Alain Fonteray

Сцена бала у Капулетти

Мир, который окружает влюбленных из Вероны у Пи безрадостен – холодным мертвящим светом отсвечивает инсталляция из неоновых трубок на заднике сцены. На балу у Капулетти никто не танцует – гости в звериных масках стоят, застывшие как мумии, тогда как музыкант наигрывает веселый вальс Чайковского, а на авансцене паясничает папаша Капулетти в свиной голове из арсенала кукольника. Вместо ренессансного веселья - химеры Гойи. Сцена бала и первой встречи влюбленных рифмуется с финальной сценой смерти в гробнице - в обеих происходящее на подмостках мы видим сквозь спущенный с колосников красный светофильтр. А сам Ромео (предчувствие судьбы?) на том балу прячет лицо под маской смерти. На роль Джульетты тоже пригласили совсем молоденькую актрису, Камиллу Кобби. Джульетта весь спектакль бегаёт в белом подчеркивающем формы платье, несколько смахивающем на ночную рубашку. Тут явно очень современная девица, ждущая любви, никак не наивная. Встрече на балконе предпослана танцевальная прелюда Джульетты, своего рода танец томления плоти. То есть только трагические препятствия на пути страсти постепенно поднимают ее героиню над самой собой, до трагических высот. Актрисе лучше всего удастся показать назаурядность Джульетты, «девушки с характером», но все равно не хватает дыхания на трагический катарсис. Любовные сцены Ромео и Джульетты странным образом лишены эмоциональности, поэтический

ритм шекспировской пьесы, скрытая музыка ее «дыхания» удается только Ромео, да еще брату Лоренцо (в исполнении блистательного трагического актера Филипа Жирара он явно выходит на первый план). Пи в самом деле женские любовные роли не удавались никогда, и Джульетта здесь не исключение. Наверное поэтому искусно придуманный спектакль не вызывает эмоций. Критика довольно негативная – смотреть на «Ромео и Джульетту» глазами директора Одеона Париж решительно отказывается.

Photo Alain Fonteray

